

Гэри Литтлджон¹

ИСЧИСЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА. АФРИКА И БРИКС

Национальный интерес

Давно признано, что с понятием «нация» связана проблема: почти во всех современных национальных государствах есть довольно большие этнические и лингвистические меньшинства. Это может стать основой для оспаривания законности существующих географических границ государства, то есть, по сути, законности любого национального государства [1]. Подобные размышления в последнее время возобновились. Для этого есть несколько причин.

1. Возрастающее агрессивное стремление к мировому господству как частично скрытый план западных правительств и межправительственных органов, таких как Евросоюз и НАТО.

Это стремление выражается в фактическом отказе от Вестфальской системы международного права, разработанной *in embryo* в конце Тридцатилетней войны (1618–1648) в Европе. Такое право формирует основу самого существования международных органов, таких как ООН, и некоторых национальных государств, которые обязаны своим законным существованием определенному признанию под покровительством ООН [2].

2. Нарастающий кризис самого Евросоюза. По причине того, что единая монетарная система не подкрепляется большей фискальной интеграцией, а в государствах — членах Евросоюза разные уровни производи-

тельности, возрастает разрыв в показателях экономической эффективности. Этот разрыв усилился из-за режима экономии, введенного в ответ на финансовый кризис 2007–2008 годов. Реакция на кризис в ЕС усугубилась навязыванием новых правительств государствам — членам ЕС (Греция, Италия) и экономической политики населению, у которого все больше растет неприятие такой политики. По этим причинам наднациональная программа продвигается с очевидными затруднениями.

3. Открытая и все более красноречивая региональная или национальная оппозиция централизованному управлению правительствами, которые по разным причинам больше не считаются легитимными в глазах значительной части их электората, — в первую очередь на ум приходят Шотландия, Каталония, Валлония и «Новороссия».

Вдобавок к понятиям «нация» и «национальное государство», проблематичность которых все больше проявляется в некоторых странах, существует еще понятие «национальный интерес», который часто представляют как естественным образом следующий из некоторых действий государства, чья деятельность во многом определяет нацию. Тем не менее зачастую это всего лишь риторический прием, используемый в попытке убедить электорат в необходимости непопулярных мер или усиления власти существующих или даже новых государственных структур. Этот термин сейчас часто употребляют при обсуждении объема и содержания государственного слежения за использованием электронных средств связи [3].

Однако без определенного представления о национальном интересе трудно увидеть, как разумная и стройная правительственная политика может быть

¹ Экономист, социолог (Великобритания). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социология Советского Союза», «Кризманизм и аграрные марксизмы» (в соавт.), «Эндрю Шик и развитие советской африканистики» (в соавт.), «Кризис во время перестройки» и др. Участник международных научных конференций по проблемам экономики и социологии СССР, стран Восточной Европы и Африки.

правильно сформулирована, не говоря уже о том, чтобы быть успешно выполненной. Признание многообразия и разных уровней и измерений компетентности должно быть как-то согласовано с минимальным единством цели, потому что без такого единства национальное государство рано или поздно потерпит неудачу. Соответственно вместо того чтобы относиться к «национальному интересу» как к просто возникающему из обычных действий национального государства, его следует считать формой политической выгоды.

Идея национального интереса связана с понятием рациональной выгоды и действия национального государства. Но это тоже, по сути, проблематично [4]. Существуют различные причины проблематичности рациональной выгоды. Некоторые из них связаны с объемом и видами знаний, на которых основываются оперативные решения и политика, другие включают временные рамки, в которых предполагается осуществление политики. Есть и причины, связанные с возрастающей общей тенденцией «захвата государства» специфическими рентиориентированными группами. Такие размышления усугубляют проблематичность понятия «национальный интерес» в изначально демократических государствах.

Между тем, в то время как национальный интерес в моем видении — вопрос выгоды, это не просто технократическая задача, потому что такая выгода (расчет) требует принять во внимание текущую форму (конфигурацию) власти внутри и вне страны. Эта форма зависит от исхода борьбы на различных аренах (в разных сферах), соответственно ее трудно проанализировать и она постоянно изменяется в некотором отношении. Политическую власть можно проанализировать как результат взаимодействия дискурсов, источников, арен борьбы и форм социальной организации. Можно сказать, что политическая власть как таковая ситуационна, так как не определен результат этого сложного взаимодействия [5]. В частности, соединение арен борьбы может означать, что стагнация на одной арене может завершиться потерей власти на ней, в то время как события где-то еще могут привести к тому, что учреждения и деятели на этой особой арене будут захвачены «внешними» событиями и таким образом станут относительно беспомощными или неуместными.

Именно это происходит сейчас с Евросоюзом. Пример неудачной и неадекватной реакции ЕС на события, влияющие на него, — энергетическая политика. Вице-президенту Европейской комиссии по энергетике Марошу Шефковичу во время его визита в Москву в январе сказали, что газопровод «Южный поток» перенаправляется в Турцию. Очевидно, что его службы не проинформировали его о том, что об этом решении в России сообщили еще в декабре 2014 года. Любое продолжение газопровода в Южную Европу должно было быть построено Евросоюзом, а не Газпромом. Также Россия объявила, что газопровод через Украину в Западную Европу будет закрыт через три года и Евросоюзу вскоре придется принимать решение о строительстве нового газопровода из Турции. Причина — слишком затянувшееся выполнение этого инфраструктурного проекта. Ответом было объявление

нового плана создания единого европейского энергетического рынка с передачей большей части функций Европейской комиссии [6]. Неудивительно, что это предложение вызвало возражения в Европарламенте и во многих государствах — членах ЕС. Следовательно, сейчас маловероятно, что новый газопровод будет построен из Турции через Грецию или Болгарию, чтобы своевременные поставки газа в Восточную и Южную Европу компенсировали закрытие украинского маршрута. Таким образом, Евросоюз не только не осознал, что он становится лишним, но его ответ на стратегическую неудачу всего лишь продемонстрировал попытку заново утвердить контроль в манере, которая приведет в дальнейшем к потере контроля.

В случае с коалиционным правительством Великобритании сочетание стагнационной политики, отсутствие четкой стратегии и плохо организованной системы принятия решений также вызвало международную маргинализацию. Последовавшие неудачи во внешней политике, которые отражают неудачи во внутренней политике, привели к тому, что Специальный комитет палаты лордов выступил с критическим докладом по внешней политике. Этот доклад отмечает некомпетентность Министерства иностранных дел и по делам Содружества, особенно в отношении стран — бывших республик СССР, что отчасти объясняет, почему премьер-министр Великобритании недавно пригрозил исключить Россию из системы международных платежей SWIFT в очередном раунде экономических санкций. Очевидно, он не в курсе, что Россия уже разработала систему платежей для замены SWIFT именно на такой случай. Этот пример показывает, что из-за неадекватного анализа и преобладания тактики над стратегией национальные интересы Великобритании соблюдаются плохо, и иллюстрирует важность «дискурса» в определении национального интереса, так как без четкого анализа политическая выгода влечет за собой неверно направленные усилия.

Капитал (форма социальной организации, которая увеличивает динамичный контроль над ресурсами) — это не политическая власть сама по себе (*per se*). Однако как форма экономической власти и благодаря влиянию на ресурсы и на другие формы социальной организации капитал влияет на политическую власть через динамическое взаимодействие с дискурсами и аренами борьбы. Арену борьбы могут включать мирные политические дебаты в парламенте, а также внепарламентскую борьбу, конкуренцию между крупными корпорациями и государственными организациями, легальные обсуждения и открытые конфликты. Последние могут принимать различные формы и различаться по географическому охвату.

Несмотря на эти характерные трудности в определении национального интереса, у тех, кто хочет защитить Вестфальскую систему, выбор небольшой: только предложить некую версию национального интереса или набора интересов, так как мы желаем защитить право национальных государств преследовать и защищать эти интересы в рамках международного права. Напротив, если глобализацию рассматривать как установление глобальной гегемонии в однополярном мире,

то это ведет к подавлению национальных интересов. Такая форма глобализации сделала бы невозможной географическую демаркацию демократических национальных арен, таким образом подвергая человечество глобальному милитаристскому доминированию финансового капитала.

Многие из этих проблем распространены в африканских государствах и в региональных организациях, которые пытаются скоординировать политику на надгосударственном уровне. Примеры таких надгосударственных организаций: так называемые REC (Региональные экономические советы), ECOWAS (Экономическое сообщество африканских государств), IGAD (Межправительственное управление западноафриканских стран) и SADC (Южно-Африканское сообщество развития), или спонсируемая ООН организация, созданная, чтобы сократить торговые барьеры, — COMESA (Общий рынок Восточной и Южной Африки), или UN ECA (Экономическая комиссия по Африке), и, конечно, AU (Африканский союз). Многие из этих организаций имели неоднозначные результаты, некоторые уже исчезли. Только одна такая неудачная организация — «Восточно-Африканское сообщество» — вернулась к жизни. Другие выжившие, например «Южно-Африканский таможенный союз», имеют проблемы в отношениях с государствами, с которыми граничат. Само существование такого количества организаций, которые плохо согласуются между собой, а некоторые из них были переименованы, чтобы заново начать функционировать, может резонно считаться симптомом провала. Они также осложняют определение национальных интересов, политики и стратегии в едином национальном государстве.

Африка

Почему Африку начинают воспринимать как относительную неудачу после оптимизма, порожденного победой над апартеидом в Южной Африке, и обещаний африканского ренессанса?

Конечно, недавний рост многих африканских экономик — показатель того, что континент преодолел тяжелый момент кризиса. К сожалению, даже те, кто сочувствует Африке, столкнувшейся с проблемами, вынуждены признать, что она остается на обочине международных дел [7].

Это отчасти связано со слабой экономикой, которая ограничивает политическое влияние: примерно 14 % населения мира и всего 2 % мирового ВВП и торговли свидетельствуют о том, что Африка не достигает таких же результатов, как ведущие регионы, например Восточная Азия. Это несоответствие часто комментировали в последние 40 лет. Нельзя объяснить плохие показатели только долгом из-за рециклирования нефтедолларов вслед за резким подъемом цен на нефть в 1970-х. Это поощрение задолженности частично обуславливает относительно низкие успехи Африки в экономическом развитии, однако другим регионам удалось найти политические средства и экономические ресурсы, чтобы минимизировать такую задолженность и даже избавиться от нее. Такая стратегия со стороны однонациональных стран, иногда действующих сообща

или оказывая друг другу поддержку, вызвала сопротивление репрессивным и коррупционным режимам. Это прослеживается в Латинской Америке, где Меркосур и идеалы Боливара — организационные и дискурсивные факторы, которые используются как часть долгосрочной стратегии для обретения национальной автономии от международных финансовых учреждений [8]. Однако понятно, что Африке не удалось остановить утечку капитала с континента, то есть этот капитал не использовался для продуктивного инвестирования в экономику африканских стран.

По грубым подсчетам, за период с 1970 по 2010 год Африка лишилась 800 млрд долларов США, а это гораздо большая сумма, чем прямые иностранные инвестиции FDI плюс иностранная помощь. Если учесть все деньги, перечисляемые диаспорой, то Африка получила немного больший поток финансирования, чем противоположная сторона. Однако большинство внутренних переводов идут на потребление, поэтому эти фонды мало что дают для формирования капитала. Следует также обратить внимание на то, как мала общая сумма за эти 40 лет. Для сравнения: Сенат США выделил 700 млрд долларов на поддержку крупных американских банков в начале финансового кризиса 2007–2008 годов. Кроме того, основной доход Африке приносят ископаемые и продовольственный сектор, в частности какао. Очень немногие страны осуществляют эффективную стратегию для развития собственной инфраструктуры [9].

Необходимо признать, что слабая экономика Африки — это во многом результат осознанной и неосознанной дестабилизации и раздувания вооруженных конфликтов. Дестабилизация принимала разные формы, включая финансовую дестабилизацию (внешнее регулирование валюты и контроль выплаты процентов), разрушение транспорта, коррупцию, финансирование и поддержку мятежей и убийств. Последние часто преподносятся как таинственные авиакатастрофы. Мотивы для таких мер включали неокOLONIALИЗМ и монополизацию ресурсов (нефть, другие полезные ископаемые, вода, сельскохозяйственные земли). Такие формы конкуренции за ресурсы дестабилизировали экономику и отвлекали инвестиции от других форм производственной деятельности.

Один аспект такой потери контроля над экономикой (и последующая неспособность самостоятельно определить национальный интерес), который привлекал внимание с 1980-х годов, состоит в последствиях неолиберальной политики, следовавшей из программ структурного приспособления. Обычно критика этих программ была связана с растущим неравенством, бедностью, сокращающейся программой государственного финансирования, особенно медицины и образования, и с негативным влиянием выплаты долга на национальные фонды инвестирования и соответственно на экономический рост. Однако задолженность лишь увеличила власть финансовых учреждений в африканских странах, что отвлекло финансирование от ранее продуктивных секторов экономики [10] и привело к изменению морали — возрастанию цинизма и потере взаимного доверия среди населения. Широко рас-

пространившееся изменение морали привело, в свою очередь, к краткосрочности перспектив и к так называемому микромеркантилизму, то есть к постоянным попыткам получить преимущества в рыночных отношениях вместо общего стремления обеспечить будущее процветание за счет взаимовыгодной деятельности.

Никакая иностранная помощь не может быть названа абсолютно выгодной. С одной стороны, такая помощь часто диктуется интересами стран-доноров, а не приоритетными нуждами страны-реципиента. С другой — помощь и кредиты от международных агентств зачастую являются просто догматическим проведением неоллиберальной экономической политики, которая имеет тенденцию внедрять негативную экономическую спираль в странах-реципиентах. Смягчающие меры также часто осуществляются неправильно и не только с учетом докладов по стратегии сокращения бедности, которые страны-реципиенты «добровольно» разрабатывают: даже такие явно похвальные программы, как «Цели развития тысячелетия», не учитывают текущих расходов. Дело в том, что без эффективной стратегии экономического роста в соответствующей стране даже те показатели, которые успешно достигаются, не будут устойчивыми, потому что они требуют дополнительных инвестиций, а финансовый кран будет закрыт рано или поздно.

Но самая очевидная проблема в африканских государствах, большинство из которых зависят от экспорта полезных ископаемых, — захват государства. Это связано с уже упомянутой дестабилизацией. Якобы демократические органы правления манипулируют, чтобы обеспечить контроль над ресурсами. Это привело к развитию «трофейного будущего» в некоторых странах, когда ищут поддержки из-за границы вооруженного восстания или вторжения с обещанием будущего контроля какого-нибудь минерального ресурса данной страны. Эта и другие формы того, что экономисты вежливо называют «поведение поиска ренты», очевидны во многих странах, а вытекающая из этого зависимость от незаконного использования силы и культура безнаказанности широко распространены в некоторых странах [11]. Одно из негативных последствий нарушения прав человека — то, что экономическая деятельность концентрируется вокруг самого доходного сектора.

Это привело к ряду дальнейших иностранных интервенций с целью захвата и возобновления контроля над ресурсами, особенно когда мирная конкуренция невозможна. Например, еще в 2002 году старший офицер Европейского командования вооруженных сил США (EUCOM) утверждал, что Африка является приоритетным направлением для американских военных. Это было открыто связано с растущими китайскими инвестициями в Африку. Другими словами, так как маловероятно, что мирная экономическая конкуренция сохранит желаемый результат, ответом должна стать попытка военного доминирования. Первым признаком того, что осуществляется новый подход, было образование Комиссии по Гвинейскому заливу в 2006 году. Эта комиссия была образована по инициативе Министерства обороны США и представляла 11 стран, дав-

ших согласие на различные формы сотрудничества в вопросах морской безопасности, и сейчас ее постоянный штаб находится в Анголе.

Это военное сотрудничество по обеспечению безопасности с различными африканскими странами было предназначено для того, чтобы проложить путь последующим действиям, а именно — основанию Командования по Африке, которое состоялось в 2008 году. Хотя ни одна африканская страна не дала согласия на размещение главного штаба этого командования, оно продолжает работать в Штутгарте в Германии. Вдобавок к растущему контингенту американских войск в Африке эта организация негативно повлияла на исследования в области социальных наук по Африке в США.

Не стабилизируя обстановку в Африке, военная интервенция, напротив, резко усилила нестабильность и свела на нет экономические и социальные завоевания прошлого. Этот шаг назад особенно заметен в Ливии, где свержение правительства несомненно дискредитировало так называемый либеральный интервенционизм и ответственность за защиту, но его дестабилизирующие последствия можно увидеть и в других странах.

Другие формы интервенции также дестабилизировали различные страны. Вот известный пример: восстание туарегов в Мали было не просто ответом на приток оружия от конфликта в Ливии. Этому предшествовали месяцы активности мусульманских фундаменталистских благотворительных обществ, финансируемых странами Персидского залива. Начинаясь восстание туарегов, обиженных отношением правительства африканских стран, стало дополнением к более фундаменталистскому восстанию после первоначального столкновения этих двух сил. Туареги тогда были побеждены фундаменталистским движением, которое вскоре распространилось на юго-запад через Мали, угрожая свергнуть правительство. Этот пример иллюстрирует сложность некоторых восстаний и влияние похожих событий в других странах, но можно цинично поинтересоваться, не обеспечила ли деятельность этих мусульманских благотворителей удобный повод для вторжения французской армии в страну с большими запасами урановой руды. Ведь Франция получает 75 % электричества за счет атомной энергии, а мировые запасы урана не так велики. Эти примеры показывают, что дестабилизация африканских стран не закончилась с окончанием апартеида.

БРИКС

Африканский член БРИКС — ЮАР — возможно, крупнейшая и наверняка самая продвинутая экономика на континенте. Другие относительно развитые страны — Египет, Нигерия и Ангола, но ни одна из них не обладает такой многоотраслевой экономикой и сферой услуг, как ЮАР. К сожалению, ЮАР избрала «неолиберальный поворот» во время переговоров CODESA, которые привели к окончанию апартеида в 1994 году, и сейчас страдает от проблем, сопровождающих потерю национальной автономии и имеющихся в других африканских странах. Главным горнодобывающим компа-

ниям было разрешено перейти на Лондонскую биржу. Это значит, что их прибыль теперь экспортируется, нанося ущерб национальному платежному балансу.

Автономия ЮАР подрывается также слабостью разведки в деле защиты национальных интересов [12]. Она пережила определенную утрату законности, что отражается в потере голосов при голосовании в Африканском национальном конгрессе при обвинениях в коррупции и репрессивных реакциях на забастовки. Она недостаточно инвестировала в энергетический сектор, чтобы обеспечить нужды растущего населения и развивающейся экономики, в результате было введено нормированное потребление электричества. Но это можно изменить, если инвестировать в новые атомные станции и в предлагаемый проект «Река Конго».

Однако ЮАР, как и остальная Африка, страдает от нехватки инвестиций. Основной надеждой на перемены остаются FDI (прямые иностранные инвестиции) наряду с политикой Нового Шелкового пути для Евразии. Основным источником FDI в Африке в этом веке является Китай [13]. Такой подход, а не вредный подход прошлого может помочь Африке вернуть контроль над потоками капитала и инвестировать в более продуктивное будущее в мультиполярном мире. В итоге БРИКС мог бы стать средством освобождения мировой экономики от доминирования милитаризованного западного финансового капитала.

Примечания

1. *Зубайда С.* Теории национализма. Власть и государство. — Лондон : Крум Хелм, 1978.

2. Одним из примеров является Израиль, который, тем не менее, отказывается признать различные резолюции ООН, влияющие на то, что эта страна определяет как «национальный интерес».

3. Это сейчас, несомненно, очень серьезный вопрос для Африки, особенно для Южной Африки, с учетом докладов об утечке информации разведывательных служб. См.: Гардиан. 2015. 25 февр. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/feb/24/africa-el-dorado-espionage-leaked-intelligence-files>

Другие материалы на эту тему можно найти на этой веб-странице, под новостным разделом. Правительство ЮАР может использовать этот скандал с утечкой информации в законной борьбе против разоблачителей и других критиков в национальных интересах.

4. *Хиндесс Б.* Гуманизм и теология в социологии. Социологические теории экономики. — Лондон : Макмиллан, 1977.

5. Этот аргумент сопоставим с утверждением Ильи Пригожина относительно необратимости событий: *Пригожин И.* Конец уверенности. — Нью-Йорк : The Free Press, 1997.

6. См.: Гардиан. 2015. 25 февр. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/feb/24/eu-blueprint-energy-union-russian-gas-gazprom-maros-sefcovic>

По поводу комментария, поддерживающего неадекватный ответ, который не упоминает трехлетний срок для переноса украинского газопровода, см.: Гардиан. 2015. 25 февр. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/27/eu-energy-union-vladimir-putin-russia-europe>

Но эта статья упоминает многие национальные препятствия в деле достижения соглашения с ЕС. Можно предполагать, что Россию будут обвинять в энергетических проблемах Восточной и Южной Европы, когда прекратится поступление газа.

7. В подтверждение этого вывода см.: *Ндонго Самба Силла.* От маргинальной до поднимающейся Африки? Критический анализ // Обзор Африканской политэкономии. — Т. 41, № 143 (доп. вып.). — С. 7–25.

8. Продолжающиеся волнения в Венесуэле и предполагаемые попытки свергнуть законно избранное правительство свидетельствуют о том, что этот процесс далек от завершения.

9. Заметное исключение — Ангола, как утверждает в неопубликованной работе Х. Фофака, служащего World bank (2015).

Ретроспективный анализ роста и возрождения Африки в пост-НИРС. Преодоление риска роста обнищания. Фактически Ангола не только финансировала кабель из микроволокна в Бразилию и кабель между прибрежными городами, но и запускает собственный спутник Ангосат и будет развивать оптическую сеть из микроволокна, соединяющую главные города.

10. Это задокументировано в неопубликованной работе о финансиализации в Нигерии «Финансиализация и экономический рост в Нигерии» (Ejike Edeogu, 2014).

11. Там же.

12. *Сандерс Дж.* Друзья апартеида: возрождение и падение Секретной службы ЮАР. — Лондон : Джон Мюррей, 2006 ; *Чикане.* То, что нельзя сказать. — Кейптаун : Пикадо, 2013.

13. Для оценки прямых инвестиций КНР в Демократическую Республику Конго см.: *Чакрабарти М.* Рост торговли КНР и инвестиции в Демократическую Республику Конго — благословение или проклятие? // Обзор Африканской политической экономики.